

Жиркова Евгения Егоровна
Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова
г. Якутск, Российская Федерация
jenyasyr@mail.ru

Образная (ономатопэтическая) лексика звуко-мимического происхождения: сравнительный анализ

Аннотация

В статье в сравнительном плане рассматриваются образные (ономатопэтические) слова звуко-мимического происхождения якутского и японского языков. Целью статьи является определение особенностей связи семантики и фонетического строя якутских образных слов и японских ономатопэтиков на примере группы слов звуко-мимического происхождения. С опорой на положение Л. Н. Харитоновой о звуко-мимическом происхождении некоторых образных слов якутского языка и на положение об артикуляционном символизме японских ономатопэтических слов С. В. Чиронова предпринята попытка дополнить список образных слов звуко-мимического происхождения, имеющих в фондах обоих языков. Для исследования использованы анализ словарных дефиниций, метод лингвистического описания и сравнительно-сопоставительный метод. В результате обнаруженные в обоих языках образные (ономатопэтические) слова звуко-мимического происхождения по референтному признаку и семантике разделены на тематические подгруппы: «лицо», «рот» («улыбка»), «губы» – в якутском языке и «выражение лица», «улыбка», «речь», «есть / кушать», «язык» – в японском языке. Установлено, что «звуко-мимичность» проявляется через инициальные носовые сонанты *m*, *ny* в якутском языке и *n* в японском языке. При этом гласные в якутских образных словах звуко-мимического происхождения могут определять форму изображаемого, а в японских ономатопэтических словах они определяют динамичность действия.

Ключевые слова: образное слово, ономатопэтическое слово, якутский язык, японский язык, звуко-символизм

© Жиркова Е. Е. 2025

Для цитирования: Жиркова Е. Е. Образная (ономатопэтическая) лексика звуко-мимического происхождения: сравнительный анализ 2025. Вып. 11, № 3. С. 51–61. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-51>

Eugenia E. Zhirkova
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University
Yakutsk, Russian Federation
jenyasyr@mail.ru

Figurative (onomatopoeic) vocabulary of sound-mimic origin: Comparative analysis

Abstract

The article compares figurative (onomatopoeic) words of sound-mimic origin in Yakut and Japanese. The study aims to determine the relationship patterns between semantics and phonetic structure of Yakut figurative words and Japanese onomatopoeics using the example of a group of words of sound-mimic origin. Based on L. N. Kharitonov's idea about the sound-mimic origin of some figurative words in the Yakut language and on S. V. Chironov's idea about articulatory symbolism of Japanese onomatopoeic words, this paper attempts to supplement the list of figurative words of sound-mimic origin from Yakut and Japanese funds. The study uses dictionary definition analysis, linguistic description and comparative-contrastive method to process the material.

As a result, the identified figurative (onomatopoeic) words of sound-mimic origin in both languages were divided into thematic subgroups according to their referential features and semantics: “face”, “mouth” (“smile”), “lips” in Yakut and “facial expression”, “smile”, “speech”, “eat”, “tongue” in Japanese. It was found that “sound-mimicry” is manifested by the initial nasal consonants *м, нь* in Yakut and *n* in Japanese. Meanwhile, vowels in Yakut figurative words of sound-mimic origin can determine the form of the depicted object while in Japanese onomatopoeic words they determine the dynamism of the action.

Keywords: figurative word, onomatopoeic word, Yakut language, Japanese language, sound symbolism

© Zhirkova E. E. 2025

For citation: Zhirkova, E. E. (2025). *Obraznaya (onomatopoeticheskaya) leksika zvuko-mimicheskogo proiskhozhdeniya: sravnitel'nyy analiz* [Figurative (onomatopoeic) vocabulary of sound-mimic origin: comparative analysis]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 11 (3), 51–61. <https://doi.org/10.22250/24107190-2025-11-3-51>

1. Введение [Introduction]

Общеизвестно, что многие образные слова якутского языка генетически восходят к звукоподражательным [Харитонов, 1954, с. 203 ; Шагдаров, 1962, с. 131]. При этом возникновение образных значений от звукоподражательных происходит путём «замещения одних представлений другими по их связи (подстановка, метафоризация)» [Харитонов, 1954, с. 203]. В качестве примера можно привести значение слова *чоп*, который изначально имитирует «звук чмокания, втягивания губами, а также моментального погружения чего-нибудь в воду или в полужидкую, мягкую среду» [Харитонов, 1954, с. 202]. Переход значения в сторону образности происходит, когда слово *чоп* используется со служебным глаголом *гын* 'делать': *чоп гын* 'моментально нырнуть, юркнуть во что-то'; или со словом *курдук* 'как': *чоп курдук* 'аккуратненький, удобный, ловкий, сметливый'.

Л. Н. Харитонов к отдельной группе относит образные слова с корнями звуко-мимического происхождения. Отличие от образных слов со звукоподражательным происхождением заключается в том, что данная группа слов не имеет прямой связи с непосредственным подражанием звуку, а скорее с положением губ при произнесении определённых звуков. К примеру, звук *мээ* вызывает представление о напряжённо растянутых губах, а образный глагол *мэрбэй* означает «напряжённо поджимать и растягивать губы, опуская их углы книзу, строить плаксивую гримасу» [Харитонов, 1954, с. 219].

Образная лексика якутского языка вызывает интерес у лингвистов не одно десятилетие. На сегодняшний день можно сказать, что данной теме посвящено достаточно работ. Среди них фундаментальными считаются труды о полной фонетико-семантической характеристике образных слов и образных глагольных основ [Харитонов, 1954 ; Харитонов и др., 1982], об образных прилагательных в сравнении с бурятским и киргизским языками [Егинова, 2014], о фоносемантике образной лексики [Афанасьев, 1992]. Образные глаголы стали предметом исследования в сравнительном аспекте в ряде статей [Шамаева, Слепцова, 2020 а, 2020 б]. Особенности функциональности образных глаголов в эпических текстах якутского и других тюрко-монгольских языков рассмотрены в [Герасимова, 2020 а, 2020 б, 2022], семантические стороны образной лексики описаны в [Жиркова, 2017, 2020 а, 2020 б].

Однако с точки зрения связи семантики со звуком и перехода значения внутри слова, на наш взгляд, работ недостаточно. Имеется работа по фоносемантике якутских образных слов, в которой выявлена сильная связь звучания и содержания образных слов и произведено их деление на модели и «встраиваемые» в них идеофонемы [Афана-

сьев, 1992]. Отмечено, что условием развития значения в звукоподражательных корнях является ассоциация представлений [Шагдаров, 1962, с. 131]. В изобразительной системе языка выделена относительно устойчивая фонетически мотивированная связь между фонемами слова и признаком, полагаемым в основу именованного [Сундуева, 2019, с. 4]. Материал японского языка, а именно ономатопоэтическая лексика, также попал в поле исследования фоносемантики образной лексики [Сыромятников, 2011].

К якутским образным словам звуко-мимического происхождения как явление наиболее близок так называемый артикуляционный символизм японских ономатопоэтиков. Понятие артикуляционного символизма определяется как «механизм, когда используются аналогии с формой и движением органов речи ... таким образом формируется описание не только действий и состояний органов речи, но также и человеческой мимики. ... ономаты со слогом *гэ* приближенно повторяют напряжение мышц гортани при рвоте (*гэЪ*, *гэроЪ*), отрыжке (*гэбуЪ*), *гу* и *го* - при глотке (ядра <*губи*>, <*гудэ*>, <*гоку*>) и т. п.» [Чирионов, 2004, с. 152]. На связь звука и части тела, производящей этот звук, указывал ещё В. Скаличка на материале венгерских звукоподражательных выражений: «Для слов, доминирующими компонентами которых являются звуки и движения, самыми важными являются те части тела, которые связаны с какими-нибудь акустическими и двигательными представлениями. Конкретно речь идёт 1) о рте, 2) о руках, 3) о ногах. С ними звук и движение связываются наиболее часто. Речь идёт в данном случае о звуках при разговоре или еде (разговор, крик, заикание, хохот, причмокивание и т. п.), при движении рук (нажатие, резание), при ходьбе (топтанье, хромота и т. п.)» [Скаличка, 1967, с. 292].

Анализ литературных источников показал, что интерес к исследованию связи содержательной и фонетической составляющих образной (ономатопоэтической) лексики якутского, японского и других языков не ослабевает. Опираясь на эти схожие положения, справедливо отмеченные при исследовании звуко-, образноподражательных слов разных языков, мы предприняли попытку определить особенности связи семантики и фонетического строя якутских образных слов и японских ономатопоэтиков на примере группы слов звуко-мимического происхождения, что является целью настоящего исследования.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

В работе применены методы анализа словарных дефиниций, описательный метод лингвистического материала и сравнительно-сопоставительный метод.

Л. А. Афанасьев в своей работе для декодировки значения образных слов выделяет 2 элемента: признаковая и референтная части определения. Признаковая часть определения подразумевает размер и характер формы, референтная – то, к чему относится слово (напр., к какой-либо части тела) [Афанасьев, 1992, с. 8]. Соответственно, для настоящего исследования были подобраны единицы образной (ономатопоэтической) лексики, референтом в которых выступают лицо и части лица, участвующие в мимике. Основой послужили 18 единиц, выделенных Л. Н. Харитоновым в разделе о корнях звуко-мимического происхождения у образных глаголов [Харитонов, 1954, с. 219–220]. Исследователь отметил, что рассматриваемая группа сравнительно небольшая, при этом указав, что список неполный. Поэтому, по аналогии со списком Л. Н. Харитонova, мы самостоятельно дополнили его из фонда образной лексики якутского языка. Всего дополнительно обнаружено 19 единиц образной лексики с корнями звуко-мимического происхождения. При отборе единиц из фонда ономатопоэтической лексики японского языка мы также опирались на положение об артикуляционном символиз-

ме, отмеченное в работе [Чиронов, 2004, с. 152, 184], и выделили 21 единицу. Отобранные единицы образной (ономатопозэтической) лексики звуко-мимического происхождения по референтному признаку и семантике были разделены на тематические подгруппы (улыбка, губы, рот и т. п.) внутри каждого языка.

Для анализа выбранных единиц мы обратились к звуковому оформлению основ образных слов якутского языка и двусложных основ ономатопозэтических слов японского языка, а также к их артикуляционно-символическим функциям. Значения исследуемых слов были взяты из толкового словаря якутского языка [БТСЯЯ, 2004–2018], толкового японско-русского словаря ономатопозэтических слов [Румак, Зотова, 2012], и словаря ономатопозэтиков японского языка [Masahiro, 2007]. Дефиниции из последнего словаря переведены автором настоящей статьи.

2.2. Единицы образной лексики звуко-мимического происхождения в якутском языке [Figurative vocabulary of sound-mimic origin in Yakut]

«Лицо». В данную группу вошли единицы, характеризующие различные формы лица. Круглую форму лица описывают основы *мылт-* / *мыл-* / *мыт-*, *мэлг-* / *мэлт-* / *мэл-*. Как идеофонема, *м* в начале слова «придаёт форме гладкое, небольшое, объёмное проявление» [Афанасьев, 1993, с. 13, 10], при этом *ы* в основе придаёт значение 'маленький', *э* – 'широкий'. Это обуславливается открытостью-закрытостью гласных, т. е. в зависимости от высокого-низкого подъёма спинки языка при произнесении гласных.

Ы – закрытая гласная; при её произнесении расстояние между губами маленькое.

Э – открытая гласная; при её произнесении губы слегка оттягиваются назад, рот открыт. Например, *мытый* 'иметь маленькое круглое лицо с пухленькими щёчками' [БТСЯЯ, Т. 6, 2009, с. 392] и *мэлтэй* 'быть, казаться круглым, широким (обычно о лице, полной луне)' [Там же, с. 403].

Удлинённую форму лица передают основы *морб-* / *мордь-*, опухшее, обрюзгшее лицо – *марб-* / *мардь-*. Так, *марбай* означает 'широко и книзу оттягивать углы губ, имея широкое и обрюзгшее лицо' [Харитонов, 1954, с. 292], морбой имеет значение 'быть, казаться узким, удлинённым, с торчащими вперед губами (о лице)' [БТСЯЯ, Т. 6, 2009, с. 292]. В этих основах отличаются только гласные *а-о*, но именно характер произнесения этих гласных определяет их дифференцирующее значение. При произнесении *а* рот раскрывается и относительно оттягиваются щёки, тем самым делая лицо шире. Кроме того, вариант образного слова с *а* в каждом слоге (*а-а-*) «изображает предельно большой объём, размер данной формы» [Афанасьев, 1993, с. 10]. При произнесении *о* губы собираются в трубочку и придают лицу удлинённый вид. Вариант *о-о-* указывает на «ограниченную форму» [Там же].

«Рот». В эту группу были включены образные слова, характеризующие форму и положение рта. Представление об открытом рте выражают корни *дьалл-* / *дьалт-*: *дьаллай* 'широко раскрыть, разинуть (пасть, рот); иметь широкий рот' [БТСЯЯ, Т. 3, 2006, с. 300], *дьалтай* 'широко раскрываться, раздуваться (обычно о рте, ноздрях человека)' [Там же, с. 301]. Похожее значение имеет образный глагол *аллай* 'глупо, вяло разевать рот' [БТСЯЯ, Т. 1, 2004, с. 427]. В данных основах, на наш взгляд, смыслообразующим элементом является звуко сочетание *-ал-*. При произнесении этих звуков как будто широко открывается и закрывается рот. *Дь* в начальной позиции (*дьалтай*, *дьаллай*) дополнительно придаёт значение «кривости, мягкости, иногда углубления или торчания» [Афанасьев, 1993, с. 13] (в нашем случае – углубления). В вариациях с другой открытой гласной *Э* – *дьэлтэй* ('широко раскрываться, выворачиваясь по краям (о ране, о глазах)' [Харитонов, 1954, с. 289]) и *дьэллэй* ('широко и нескладно раскрыться, образовав неров-

ное отверстие; быть непомерно и нескладно широким' [БТСЯЯ, Т. 3, 2006, с. 524]) – так же сохраняется представление об открытой (переносно округлой) форме, но уже в более широком смысле.

Представление о беззубом рте выражено основами *амнь-/ням-/нямнь-*. Эти основы восходят к неизменяемым звукоподражательным корням *ам* – «подражание хватанию ртом» [Харитонов, 1954, с. 260] и *ням* – «чавкающий звук при хватании ртом» [Там же, с. 262]. *Нь* в конце придаёт больше мягкости, как будто при закрывании рот западает внутрь из-за отсутствия зубов. Примеры: *амный* 'иметь втянутые, как бы опавшие губы (обычно о беззубых стариках)' [БТСЯЯ, Т. 1, 2004, с. 451], *нямай* «открывать слюнявый беззубый рот» [Харитонов, 1954, с. 294] и *нямный* 'выделяться обвислой кожей на впалых щеках и вытянувшемся подбородке (о старом беззубом человеке)' [БТСЯЯ, Т. 7, 2010, с. 91]).

Сюда же отнесём действия, совершённые ртом: например, говорить – *нымыгыраа* 'быстро и невнятно говорить сквозь зубы, почти не разжимая губ' [БТСЯЯ, Т. 7, 2010, с. 177]. Основа *ным-* созвучна с *ным-*, например, в слове *нымий* 'смыкать, плотно сжимать губы' [Там же, с. 108]. При произнесении *ным* губы растянуты, чуть обнажая зубы, затем плотно сжимаются, что даёт представление о речи сквозь зубы. Ещё одним действием, совершаемым ртом, относящимся к данной группе, можно считать дыхание – *бусхай* 'надувать щёки, дымить табаком, надувая щёки' [Харитонов, 1954, с. 220]. Звукосочетание *бус* напоминает звук выпускающегося воздуха, почти свистящего. Этот эффект достигается взрывной согласной *б* в начале и щелевой *с* в конце слова.

«Губы». Данная группа слов включает в себя образные глаголы, представляющие различные формы, размеры, положения губ. К примеру, образное представление о растянутых губах передаётся через основы *мэрб-/мэр-*. Эти основы восходят к звукоиспусканию *мээ*, которое «вызывает представление о напряжённо растянутых губах» [Харитонов, 1954, с. 219]. Отсюда значения глаголов *мэрбэй* 'напряжённо растягивать губы, опуская углы книзу (собираясь заплакать)' [БТСЯЯ, Т. 6, 2009, с. 416] и *мэрэй* 'иметь широкое плоское лицо с широко растянутым ртом' [Харитонов, 1954, с. 293].

Округлую форму губ передают звукосочетания *-ом-/об-*, которые встретились в следующих глаголах: *омой* 'иметь слегка приоткрытый маленький рот с округлёнными губами (обычно о ребёнке)' [Харитонов, 1954, с. 295], *обунгаа* 'соблазнительно двигать маленькими пухлыми губами' [БТСЯЯ, Т. 7, 2010, с. 196]. К ним же отнесём *ньомой* 'иметь округлённо сложенные тонкие губы; иметь маленький округлённый рот' [Харитонов, 1954, с. 295]. При произнесении *-ом-* губы собираются в трубочку, как будто хотят поцеловать, при произнесении *-об-* – за счёт взрывного *б* добавляется дополнительный объём в губах. Здесь также отметим глагол *ньомной* 'иметь округлённые и втянутые внутрь тонкие губы' [Харитонов, 1954, с. 295]. Втянутость губ достигается за счёт *нь* после *ньом*, по аналогии с *нямный* и *амный* (см. выше).

В эту группу вошли и единицы, характеризующие улыбку, с основой *мыр-/мыч-*. При произнесении звукосочетания *мы* губы максимально растягиваются, напоминая улыбку. Например, *мырбай* 'широко расплыться в улыбке, растянуть губы в улыбке (о человеке с круглым лицом)' [БТСЯЯ, Т. 6, 2009, с. 389], *мычаарый* 'приятно улыбаться, усмехаться, расплываться в улыбке (о спокойном человеке)' [Там же, с. 392], *мычалый* 'искренне улыбаться, светиться улыбкой' [Там же, с. 392–393]. По этому же принципу сюда можно включить и *ыртай* 'приподнимать уголки губ, растягивая их и слегка обнажая зубы; беспечно, легкомысленно улыбаться' [БТСЯЯ, Т. 14, 2017, с. 487]. Однако Л. Н. Харитонов считает, что *ыртай* «образовано от корня *ыр* – подражание ворчанию, спокойному рычанию зверя, при котором рот (пасть) закрыт, а зубы обнажаются приподнятием губ (собственно верхней губы)» [Харитонов, 1954, с. 219].

Таким образом, якутские образные слова с корнями звуко-мимического происхождения в основном изображают форму лица, положение рта и губ, а также улыбку. Преобладают носовые сонанты *м, нь*, гласные *а, о, э, ы*. В якутском языке наблюдается картинность образных слов, т. е. статическое изображение посредством образных слов (форма, положение и т. д.).

2.3. Единицы оноματοпоэтической лексики звуко-мимического происхождения в японском языке [Onomatopoeic vocabulary of sound-mimic origin in the Japanese language]

В японском языке оноματοпоэтических единиц с звуко-мимическим происхождением обнаружено немного. Следует отметить, что в японских оноματοпоэтиках очень тонкая грань между звуко- и образоподражанием. В большинстве своём они являются многозначными оноματοпоэтическими словами, выражающими одновременно и состояние, и подражание звуку. Поиск оноματοпоэтиков звуко-мимического происхождения показал, что среди них немало сугубо звукоподражательных единиц: *goku / koku* 'звук глотки (движение гортани)', *shiku* 'тихий плач, всхлипывание (подражание шмыганью носом)' и т. д. Для данной статьи мы отобрали лишь те оноματοпоэтические слова, которые непосредственно имеют отношение к мимике и дают представление о ней. В основном эти единицы связаны с движениями, совершаемыми ртом и/или языком: например, улыбаться, есть, говорить, за исключением одной группы, описывающей выражение лица.

«Выражение лица». Японских оноματοпоэтических слов звуко-мимического происхождения, описывающих форму лица, нами не обнаружено. Похожее значение и принцип образования находим в единице, описывающей выражение лица: *pu(tto)* 'недовольное выражение лица' [Румак, Зотова, 2012, с. 384]. В данном случае артикуляционный символизм проявляется в том, что *pu(tto)* имеет ещё одно звукоподражательное значение – «звук выплёскивания через сжатые губы содержимого рта» [Там же], т. е. *pu*¹ напоминает выдох через сжатые губы. С. В. Чиронов, рассматривая *pu* как односложное ядро в составе оноματοпоэтического слова, выделяет следующие значения: 'надутое', 'просачивание', 'пухлое', 'гнев' [Чиронов, 2004, с. 199–200]. Похожее значение находим также в слове *pusupusu* 'надуть щёки, молчать с недовольным видом; недовольно ворчать, роптать' [Masahiro, 2007, p. 395]. Здесь так же основа *pusu* имитирует звук выпускаемого воздуха, поэтому создаётся образ надутых щёк.

«Улыбка». В эту группу были включены оноματοпоэтики со слогом *ni*, изображающие различные виды улыбок. Звуко-мимичность этих слов заключается в произнесении *ni*, при артикуляции которого воспроизводится положение губных мышц при улыбке. Например: *nikoniko* 'тихий спокойный радостный смех, улыбка при приятных ощущениях' [Румак, Зотова, 2012, с. 295], *nitanita* 'улыбка на лице, беззвучный смех от неприятной радости' [Там же, с. 296], *ni(tto)* 'удовлетворённая улыбка уголком рта' [Там же, с. 297], *niyaniya* 'беззвучный смех, улыбка при существовании какого-либо умысла, неприятной радости, при виде смешного либо от смущения' [Там же, с. 297] и т. д. Характер улыбки определяется остальными звуками в составе слова. К примеру, разница в оттенках значения *nita* и *niya* объясняется йотированным гласным *ya*, который используется для изображения более широкой улыбки [Чиронов, 2004, с. 129]. Вышеуказанные слова могут иметь несколько вариантов, образованных путём удвоения согласного в середине слова (геминации) или с помощью суффикса *-ri*: например, основа *niko* может иметь варианты *nikori* 'радостно улыбнуться' [Masahiro, 2007, p. 312] и *nikkori* 'улыбка

¹ В действительности это одна буква, т. к. японский алфавит силлабический. Однако в статье мы будем обозначать его как слог.

во весь рот' [Румак, Зотова, 2012, с. 295]. Здесь *-ri* передаёт значение однократности действия, удвоение в середине слова в *nikkori* «удлиняет», «замедляет» действие. Подробнее о влиянии структурных элементов на содержательную сторону оноματοпоэтических слов см. [Жиркова, 2020 б].

«Речь». Данная группа представлена оноματοпоэтическими словами, характеризующими речь в соответствии с движением мимики и органов речи. Основа *busu* в слове *busubusu* 'тихое бормотание при недовольстве, неудовлетворённости, подобное тлеющему огню' образована по тому же принципу артикуляционного символизма, как и вышеупомянутый *pusu*, который кроме значения 'недовольного выражения лица', имеет значение 'недовольно ворчать, роптать', т. е. также определяет характер речи. Схожесть значений этих основ можно объяснить тем, что *pu* и *bu* являются оглушением и озвончением при прочтении одной и той же буквы – *fu* (из ряда на *ha*).

Представление о бормотании, невнятной речи передано словами *tinuyatinya* 'бормотать, говорить невнятно' [Румак, Зотова, 2012, с. 455], *tonuyatonya* 'тихо бормотать про себя так, чтобы практически не было слышно' [Masahiro, 2007, р. 490]. По мнению С. В. Чиронова, инициальный *t* в плане артикуляционного символизма изображает невнятную речь [Чиронов, 2004, с. 120], символическое значение инициальных слогов *to* и *tu* – 'невнятность' [Там же, с. 137], а континуальных, т. е. вторых, слогов *nya* – 'продавливаемое мягкое' [Там же, с. 138]. При произнесении основ *tinuya* и *tonuya* мы слышим только назальные согласные, поэтому создаётся представление о том, как будто говорят «под нос».

Совершенно тихую речь изображает оноματοпоэтическое слово *mosomoso* 'почти беззвучное произнесение' [Румак, Зотова, 2012, с. 463-464]. Здесь слог *so* выражает значение 'неслышная речь' [Чиронов, 2004, с. 138]. Действительно, *so* по произношению напоминает шёпот. Сюда же отнесём слова *hiso* 'звук тихого, не слышного никому, кроме собеседника, разговора; сама такая беседа' [Румак, Зотова, 2012, с. 351], *boso* 'говорить / рассказывать приглушённым голосом / полушёпотом' [Там же, с. 429].

Представление о заплетающемся языке передаётся в слове *rero* 'неясное произнесение звуков заплетающимся языком' [Румак, Зотова, 2012, с. 475], обычно говорится о пьяных или о нарушении речи вследствие болезни, или же про речь детей, ещё не умеющих хорошо говорить. Здесь следует отметить, что произношение японского *r* отличается от русского тем, что намного мягче, и акустически часто соотносимо с *l* [Рыбин, 2012, с. 157]. При произнесении *rero* активно двигается сам язык. Вместе с мягким *r* чередование в слогах *e* и *o* создаёт имитацию невнятной речи, отсюда и идёт ассоциация с речью пьяного человека.

«Есть / кушать». Артикуляционный символизм в слове *musuyamushya* 'есть быстро, грубо; неприличный звук поедания пищи набитым ртом; само такое поедание' [Румак, Зотова, 2012, с. 452] проявляется в сочетании назального *m* и фрикативного *sh*, которые создают ассоциацию жевания чего-то мягкого.

Кроме этого, в эту группу вошли в основном слова, которые имеют сразу два значения: 'жевать / есть' и 'говорить'. Процесс жевания и речи примерно похожи, поэтому с точки зрения артикуляционного символизма могут быть одинаковыми. Рассмотрим примеры: *mogotogo* 'есть, двигая подбородком; двигать подбородком, не издавая звука; говорить приглушённо, почти не двигая ртом' [Румак, Зотова, 2012, с. 486], *mogumogu* 'говорить, почти не открывая рта; прожёвывать полный рот еды' [Там же, с. 461], *migutigu* 'жевать, не открывая рта; чуть шевелить губами' [Masahiro, 2007, р. 472] и вышеупомянутый *tinuyatinya* 'бормотать, говорить невнятно; жевать, медленно двигая ртом' [Румак, Зотова, 2012, с. 455]. *M*, как мы упоминали выше, ассоциируется с речью, *g* (в паре с *k*) воспроизводит гортанное движение, отсюда и представление о речи либо еде.

Здесь также интересно проследить за чередованием *o-u* в основах *togo-* / *togu-* / *tugu-* и изменением оттенков значения в зависимости от звукового состава, в частности гласных. Так, чем больше *o* в составе слова, тем динамичнее действие, рот открыт, *u* замедляет действия, рот почти полностью закрыт.

«Язык». В плане изображения состояния органов речи, *p/b* отвечают за движения губ, *r* – языка, в сочетании они дают оноματοпоэтические слова со значением 'движение языка'. Так, основы *pero/bero*, *peron/beron* описывают различные движения языком: *peropero* 'многократные движения языка внутрь и наружу; колебательные движения предмета, подобного языку; облизывание языком' [Румак, Зотова, 2012, с. 415] – *berobero* 'облизывание далеко высунутым языком' [Там же, с. 414], *peronperon* 'легко облизать несколько раз языком' [Masahiro, 2007, р. 429] – *beronberon* 'сильно облизать несколько раз языком' [Там же]. Озвончение в первой паре снижает динамичность движения, во второй – усиливает действие. Сюда же можно отнести слова *perapera*, *berabera* 'беглое, без запинок, говорение на иностранном языке и т. п.' [Румак, Зотова, 2012, с. 412]. Несмотря на то, что, на первый взгляд, эти слова можно отнести к словам, характеризующим речь, говорение, мы считаем, что изначальное значение заключалось в быстром движении языка внутри рта, что потом дало ассоциацию с хорошей, уверенной речью на иностранном языке.

Таким образом, японские оноματοпоэтические слова с корнями звуко-мимического происхождения в основном изображают выражение лица, улыбку, речь, процесс еды и движения языком. Преобладают согласные *p/h*, *m*, *n*, *g/k*, *r*, гласные – *i*, *u*, *e*, *o* (задействованы все гласные японского алфавита кроме *a*). Японские оноματοпоэтические единицы исследуемой группы характеризуются динамичностью изображаемых образов (напр., выражение лица, но не форма; характеристика речи, движение языка и т. д.).

3. Заключение [Conclusion]

В ходе исследования установлено, что звуко-мимическое происхождение некоторых единиц образной / оноματοпоэтической лексики якутского и японского языков является общей для обоих языков. В якутском языке они выделены в отдельную группу. Исследователи японского языка используют для этого явления понятие «артикуляционный символизм».

Сравнительный анализ якутских и японских образных (оноματοпоэтических) слов звуко-мимического происхождения показал, что наиболее ярко звуко-мимичность проявляется через инициальные носовые *m*, *нь* в якутском и *n* в японском языке. Что касается гласных, то их функции немного различаются: в якутском языке гласные могут определять форму описываемого образа (*марб-* 'широкое лицо', *морб-* 'узкое, длинное лицо'), в японском – динамичность действия (*togo* 'есть, двигая подбородком', *tugu* 'чуть шевелить губами').

Для образных слов звуко-мимического происхождения, как и для всей образной лексики якутского языка, характерна «картинность» – статичное изображение форм, положения. Первые исследователи образных слов за эту способность называли их «картинными словами». В японских оноματοпоэтических словах звуко-мимического происхождения преобладают слова, создающие представления о движении, делается акцент на действии или движении органа речи. Отсюда проистекает и разница групп: в якутском языке исследуемые слова по семантике разделены на группы «лицо», «рот», «улыбка», в японском языке это группы «выражение лица», «улыбка», «есть / кушать», «речь» и «язык». Только одна группа – «улыбка» – совпадает в обоих языках.

Библиографический список

- Афанасьев, 1992 – Афанасьев Л. А. Фоносемантика образных слов якутского языка : автореф. дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.06 ; Якутский ин-т яз., литературы и истории. Якутск, 1992. 21 с.
- БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка. В 15 т. / под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск : Наука, 2004–2018.
- Герасимова, 2020 а – Герасимова Л. Н. Функциональная особенность якутских и бурятских изобразительных глаголов в эпическом тексте // Вестник СВФУ. Сер. : Эпосоведение. 2020. № 4 (20). С. 137–145. <https://doi.org/10.25587/e0513-4605-2563-u>
- Герасимова, 2020 б – Герасимова Л. Н. Функциональные особенности образных глаголов якутского и шорского языков (на материале эпического текста) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 631–633. <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-631-633>
- Герасимова, 2022 – Герасимова Л. Н. Особенности употребления изобразительных глаголов в якутском и алтайском эпосах // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2022. № 2 (36). С. 9–21.
- Егинова, 2014 – Егинова С. Д. Образные прилагательные якутского языка. Новосибирск : Наука, 2014. 231 с.
- Жиркова, 2017 – Жиркова Е. Е. Особенности образных глаголов, выражающих походку человека, в якутском языке (с привлечением материала японского языка) // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 3 (20). С. 118–124.
- Жиркова, 2020 а – Жиркова Е. Е. Семантические особенности образной лексики олонхо «Нюсер Бёгё» (в сравнении с ономатопами японского языка) // Вестник СВФУ. Сер. : Эпосоведение. 2020. № 2 (18). С. 160–168. <https://doi.org/10.25587/g9152-5906-4720-n>
- Жиркова, 2020 б – Жиркова Е. Е. Структурные особенности образной и оноματοпоэтической лексики якутского и японского языков // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2020. Вып. 6, № 4. С. 51–60. https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_51_60
- Румак, Зотова, 2012 – Толковый японско-русский словарь оноματοпоэтических слов / сост. Н. Г. Румак, О. П. Зотова. М. : МОНОГАТАРИ, 2012. 496 с.
- Рыбин, 2012 – Рыбин В. В. Фонетика японского языка. СПб. : Гиперион, 2012. 343 с.
- Скаличка, 1967 – Скаличка В. Исследования венгерских звукоподражательных выражений / пер. Г. Я. Романовой // Пражский лингвистический кружок : сб. ст. / сост., ред. и предисловие Н. А. Кондрашова. М. : Прогресс, 1967. С. 277–317.
- Сундуева, 2019 – Сундуева Е. В. Звуки и образы : фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [г/м] в монгольских языках. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.
- Сыромятникова, 2011 – Сыромятникова Е. Е. Фоносемантика образных слов якутского и японского языков // Гуманитарные науки в Якутии: исследования молодых ученых. Вып. 2. Якутск : Изд-во ИГиИПМНС СО РАН, 2011. С. 32–35.
- Харитонов, 1954 – Харитонов Л. Н. Типы глагольной основы в якутском языке. М., Л. : Изд-во АН СССР, 1954. 312 с.
- Харитонов и др., 1982 – Грамматика современного якутского литературного языка. Фонетика и морфология / ред. кол. : Л. Н. Харитонов, Е. И. Коркина, Е. И. Убрятова и др. М. : Наука, 1982. 496 с.
- Чиронов, 2004 – Чиронов С. В. Оноματοпоэтические слова в современном японском языке (проблемы функционирования) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.22 ; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. Москва, 2004. 221 с.
- Шагдаров, 1962 – Шагдаров Л. Ш. Изобразительные слова в современном бурятском языке / отв. ред. И. Д. Бураев. Улан-Удэ : Бурятское книжное изд-во, 1962. 149 с.
- Шамаева, Слепцова, 2020 а – Шамаева А. Е., Слепцова О. Д. Образные глаголы, характеризующие лицо человека, в якутском языке в сопоставлении с их параллелями из монгольских языков // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 478–481. <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-478-481>

- Шамаева, Слепцова, 2020 б – Шамаева А. Е., Слепцова О. Д. Образные глаголы, характеризующие фигуру человека, в якутском языке в сопоставлении с их параллелями из монгольского языка // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6 (85). С. 553–555. <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-553-555>
- Masahiro, 2007 – Masahiro O. Nihongo onomatopore jiten [Словарь ономотопоэтиков японского языка]. Tokyo : Shogakukan, 2007. 701 p. (На японском яз.)

References

- Afanasev, L. A. (1992). *Fonosemantika obraznykh slov yakutskogo yazyka [Phonosemantics of figurative words of the Yakut language]*. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Yakutsk : Yakut Institute of Languages, Literature and History. (In Russ.).
- Sleptsov, P. A. (Ed.). (2004–2018). *Bol'shoy tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka [Large explanatory dictionary of the Yakut language]*. In 15 volumes. Novosibirsk : Nauka Press.
- Gerasimova, L. N. (2020 a). Funktsional'naya osobennost' yakutskikh i buryatskikh izobrazitel'nykh glagolov v epicheskom tekste [Functional feature of Yakut and Buryat image-forming verbs in epic text]. *Vestnik SVFU. Ser.: Eposovedenie [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Epic studies]*, 4 (20), 137–145. (In Russ.). <https://doi.org/10.25587/e0513-4605-2563-u>
- Gerasimova, L. N. (2020 b). Funktsional'nye osobennosti obraznykh glagolov yakutskogo i shorskogo yazykov (na materiale epicheskogo teksta) [Functional features of image-forming verbs of the Yakut and Shor (Based on the epic text)]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of Science, Culture, Education]*, 6 (85), 631–633. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-631-633>
- Gerasimova, L. N. (2022). Osobennosti upotrebleniya izobrazitel'nykh glagolov v yakutskom i altayskom eposakh [Features of the image-forming verbs in the Yakut and Altai epics]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy [Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology]*, 2 (36), 9–21. (In Russ.).
- Eginova, S. D. (2014). *Obraznye prilagatel'nye yakutskogo yazyka [Figurative adjectives of the Yakut language]*. Novosibirsk : Nauka Press. (In Russ.).
- Zhirkova, E. E. (2017). Osobennosti obraznykh glagolov, vyrazhayushchikh pokhodku cheloveka, v yakutskom yazyke (s privlecheniem materiala yaponskogo yazyka) [Features of figurative verbs expressing the human gait in the Yakut language (Using materials of the Japanese language)]. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik [North-Eastern Humanitarian Herald]*, 3 (20), 118–124. (In Russ.).
- Zhirkova, E. E. (2020 a). Semanticheskie osobennosti obraznoy leksiki olonkho «Njuser Bjogjo» (v sravnenii s onomatopami yaponskogo yazyka) [Semantic features of the figurative vocabulary in the Nyuser Bogyo olonkho (In comparison with Japanese onomatopes)]. *Vestnik SVFU. Ser.: Eposovedenie [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Epic studies]*, 2 (18), 160–168. (In Russ.). <https://doi.org/10.25587/g9152-5906-4720-n>
- Zhirkova, E. E. (2020 b). Strukturnye osobennosti obraznoy i onomatopoyeticheskoy leksiki yakutskogo i yaponskogo yazykov [Structural features of figurative and onomatopoeic vocabulary of the Yakut and Japanese languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 6 (4), 51–60. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/2410-7190_2020_6_4_51_60
- Rumak, N. G., Zotova, O. P. (Eds.). (2012). *Tolkovyy yaponsko-russkiy slovar' onomatopoeicheskikh slov [Explanatory Japanese-Russian dictionary of onomatopoeic words]*. Moscow : MONOGATARI Press. (In Russ.).
- Rybin, V. V. (2012). *Fonetika yaponskogo yazyka [Phonetics of the Japanese language]*. St Petersburg : Giperion Press. (In Russ.).
- Skalichka, V. (1967). Issledovaniya vengerskikh zvukopodrazhatel'nykh vyrazheniy [Research on Hungarian onomatopoeic expressions]. In N. A. Kondrashov (Ed.), *Prazhskiy lingvisticheskiy krugok [Prague Linguistic Circle]: A collection of articles* (pp. 277–317). Moscow : Progress Press. (In Russ.).
- Sundueva, E. V. (2019). *Zvuki i obrazy: fonosemanticheskoe issledovanie leksem s kornevymi soglasnymi [r/m] v mongol'skih yazykakh [Sounds and images: A phonosemantic study of [r/m]*

- root consonants in Mongolian languages*]. Ulan-Ude : Buryat Scientific Center SB RAS Press. (In Russ.).
- Syromyatnikova, E. E. (2011). Fonosemantika obraznykh slov yakutskogo i yaponskogo yazykov [Phonosemantics of figurative words of Yakut and Japanese languages]. In *Gumanitarnye nauki v Yakutii: issledovaniya molodykh uchenykh [Humanities in Yakutia: Research by young scientists]* (Vol. 2, pp. 32–35). Yakutsk : IHIPNR SB RAS Press. (In Russ.).
- Kharitonov, L. N. (1954). *Tipy glagol'noy osnovy v yakutskom yazyke [Types of verb stems in the Yakut language]*. Moscow, Leningrad : Academy of Sciences of the USSR Press. (In Russ.).
- Kharitonov, L. N., Korkina, E. I., & Ubryatova, E. I. (Eds). (1982). *Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka. Fonetika i morfologiya [Grammar of the modern Yakut literary language. Phonetics and morphology]*. Moscow : Nauka Press. (In Russ.).
- Chironov, S. V. (2004). *Onomatopojeticheskie slova v sovremennom yaponskom yazyke (problemy funkcionirovaniya) [Onomatopoeic words in modern Japanese (Functioning problems)]*. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow : Lomonosov Moscow State University. (In Russ.).
- Shagdarov, L. Sh. (1962). *Izobrazitel'nye slova v sovremennom buryatskom yazyke [Figurative words in the modern Buryat language]*. Ulan-Udje : Buryat Press. (In Russ.).
- Shamaeva, A. E., Sleptsova, O. D. (2020 a). Obraznye glagoly, kharakterizuyushchie litso cheloveka, v yakutskom yazyke v sopostavlenii s ikh parallelyami iz mongol'skikh yazykov [Yakut figurative verbs describing a person's face compared to Mongolian parallels]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of science, culture, education]*, 6 (85), 478–481. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-478-481>
- Shamaeva, A. E., Sleptsova, O. D. (2020 b). Obraznye glagoly, kharakterizuyushchie figuru cheloveka, v yakutskom yazyke v sopostavlenii s ikh parallelyami iz mongol'skogo yazyka [Yakut figurative verbs describing human's figure compared to Mongolian parallels]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya [World of science, culture, education]*, 6 (85), 553–555. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1991-5500-2020-685-553-555>
- Masahiro, O. (2007). *Nihongo onomatope jiten [Japanese Dictionary of onomatopoeias]*. Tokyo : Shogakukan Press. (In Japanese).

Статья поступила в редакцию 23.01.2025; одобрена после рецензирования 24.07.2025; принята к публикации 30.07.2025.

The article was submitted 23.01.2025; approved after reviewing 24.07.2025; accepted for publication 30.07.2025.